

Я вляпалась в дерьмо. В прямом и переносном смысле. Мой сапог с чавкающим звуком увяз в коровьей лепешке, но я не застонала от разочарования, а продолжила улыбаться, глядя в камеру.

За два года в роли телеведущей популярного реалити-шоу «Любовь-морковь» об одиноких английских фермерах, которые ищут свою вторую половинку, я научилась сохранять восторженное выражение лица даже в такие моменты, когда кто-то по локоть засовывает руку в корову, помогая ей разродиться. На деле же и это зрелище, и свою работу фермерской свахой я мечтала забыть как страшный сон.

— Снято! — объявил Джейми.

Шотландец с огненно-рыжими волосами выглянул из-за камеры и отсалютовал моей терموкружкой.

— Слава тебе господи! — выдохнула я.

Забрала у Джейми термокружку и принялась вытирать сапог о пожухлую траву. Без дозы кофеина и сахара я бы не пережила и дня съемок. Если фермеры запросто

просыпались ни свет ни заря, то меня, настоящую сову, регулярные подъемы в четыре утра медленно, но верно убивали.

Весь ноябрь мы делали короткие репортажи о каждом из десяти героев нового сезона. Из отснятого материала мой любимый монтажник Хью соберет первую серию, трансляция которой запланирована на третье декабря. В течение месяца после этого заинтересовавшиеся телезрительницы смогут отправить нам видеоанкету, а мы отберем по две кандидатки и пригласим их посетить приглянувшегося фермера. У него в гостях под зорким оком телекамер им нужно будет доказать не только любовь, но и умение доить коров, управляться с трактором и стричь овец. Через семь дней они разъедутся и снова встретятся лишь в финале. Из года в год мы снимали его в июле в большом, специально под это оборудованном амбаре, где каждый фермер выбирал свою нареченную.

— У сеновала валяется шланг, — крикнул Билл, открепляя микрофон от лацкана моего серого пальто из плотной шерсти. — Я не пущу тебя в машину с дерьмом на сапоге.

Пятидесятилетний Билл в фетровой кепке, прикрывавшей лысину на затылке, был не только нашим звукооператором, но и водителем. И если мы хотели, чтобы он разблокировал двери и пустил нас внутрь, приходилось выполнять ряд правил. Мне было запрещено приносить с собой коровьи лепешки, Джейми — курить в салоне, а Питеру, нашему осветителю, — слушать хеви-метал. Как по мне, вполне разумные правила.

— Скоро приду, — бросила я и направилась к сеновалу. По дороге остановилась и вылила в рот остатки кофе.

Самый лучший ванильный латте с нотками лесных орехов и миндальных пряников варили в кофейне напротив моего дома в Камдене. По утрам я была одной из первых посетительниц. Бариста в черном тюрбане и с сильным индийским акцентом уже имел наготове пол-литра моего любимого кофе. За эту предусмотрительность я называла его *раджа* Арун и оставляла десять фунтов чаевых — в два раза больше, чем стоил мой латте. Всю дорогу до места съемок в машине Билла я делала маленькие глоточки, а в конце съемочной смены, спустя десять–двенадцать часов пила уже остывший кофе, не желая выливать даже каплю чудодейственного зелья.

Я перешагнула через толстый кабель, тянущийся от камеры Джейми к микроавтобусу, и пошла в сторону сеновала, оставив парней собирать оборудование. Для съемки пилотного эпизода мне не нужна была съемочная группа в тридцать человек. С десятиминутными роликами мы отлично справлялись вчетвером.

Были свои преимущества в работе телеведущей — мне больше не нужно было таскать тяжести. В самом начале, когда я еще студенткой второго курса устроилась на телеканал Би-би-си, мне поручали любую работу: и сматывать провода, и надраивать линзы, и подзаряжать аккумуляторы, и даже камеры тягать. И со всем, кроме последнего пункта, я справлялась на ура, а вот волочить пятнадцатикилограммовую камеру при моем

весе в пятьдесят килограммов и росте в сто шестьдесят сантиметров просто не представлялось возможным.

Обещанный шланг не нашелся ни у сеновала, ни у конюшни, зато из коровника донесся голос Уильяма, хозяина фермы и одного из пятерых героев этого сезона. Сорокалетний холостяк, страшно заикающийся в присутствии женщин, все свое время проводил в тракторе, окучивая поля, и не мог сам колесить по Англии в поисках невесты. Для этого у него была я.

Сваха номер один, лучшая в своем роде, единственная и неповторимая Роуз де Леви.

Да, я часто — то есть всегда — ныла, что не хочу вставать по утрам, что не для этого я три года училась на журналиста, но как же приятно видеть счастье в глазах моих подопечных, когда они прижимают к своей груди новообетенную вторую половинку. И раз за разом думаешь, а может быть ну их, эти вечерние новости, о которых я грезила с шестнадцати лет? Только расстраивать людей. А так я делаю их счастливыми. Ведь кто-то же должен быть счастлив, если уж я не могу?

В коровнике настойчиво пахло сеном. У пятого стояла справа Уильям разговаривал с коровой, заботливо поглаживая ее между глаз. Она блаженно жмурилась и тыкалась носом в его ладонь. Все животные на ферме были спокойными, ухоженными и довольными. Когда мы впервые приехали к Уильяму в конце сентября, чтобы лично познакомиться, в моем мозгу тут же сложился образ, который мы представим стране: заботливый мужчина с чутким сердцем.

— Эй, Уильям! — Я помахала рукой, привлекая его внимание.

Он взвизгнул, как девчонка, и в ужасе зажал ладонью рот. Его лицо стало смертельно бледным. Все коровы резко повернули головы, с осуждением замычав на меня, а та, что стояла позади, ткнула носом в спину. От неожиданности я отпрыгнула и, пытаясь поймать равновесие, засемила ногами, но избежать падения не удалось. Сделав еще два шага, поскользнулась и улетела прямо в корыто с сеном.

Твою ж мать.

Под задницей оказалось достаточно мягкого сена, чтобы не ушибиться, но досталось моему самолюбию, которое и без того каждый день страдало, начиная со звонка будильника в четыре утра. На глазах выступили слезы. Неужели ради того, чтобы реветь в коровнике и решать чужие любовные проблемы, я отказалась от Сэма?

— В-вы ушиблись? — Подскочил ко мне Уильям.

Я замотала головой и позволила ему поставить меня на ноги.

— Я шланг искала.

Через минут двадцать я сидела на заднем сиденье нашего микроавтобуса с промокшими ногами и смотрела из окна на пологий ландшафт Оксфордшира, зеленый даже в начале декабря. Разговоры коллег и музыка, звучавшая по радио, отошли на второй план. Мои мысли вернулись к Сэму. Семь лет назад я предпочла ему карьеру на телевидении.

— *Срочное включение с нормандского острова Олдерни в проливе Ла-Мани,* — донесся взволнованный

голос радиоведущего из динамиков. — *Сегодня утром вследствие урагана «Рина» оказалась разрушена береговая линия со стороны порта, затоплены десятки домов, повреждена большая часть катеров.*

Я резко подалась вперед, ремень безопасности впился в грудь.

— Сделай погромче, — попросила я Билла.

Новости я просматривала регулярно, а сайт агентства «Рейтер» был моей библией. Единственное исключение составляли дни съемок, когда приходилось концентрироваться на пугливых фермерах.

— *Метеорологи недооценили масштаб надвигающейся катастрофы, —* пояснил радиоведущий. — *Вместо предсказанного крепкого шторма на крохотный остров с населением в две тысячи человек обрушился ураганный ветер со скоростью сто девятнадцать километров в час. К счастью, жители единственного города Сент-Энн не пострадали.*

Я выхватила телефон из кармана пальто, написала сообщение маме и принялась листать новостную ленту. На одном видео десятиметровые волны налетели на пляж Брей, и вот фотография — дюны смыты, а дома вдоль Платт Салайн стоят частично без крыш и с выбитыми стеклами. Я искала в каждом новом сообщении название отеля «Последний герой», но его нигде не упоминали. Значит, можно надеяться, что он уцелел.

— Роуз, ты чего такая бледная? — осторожно спросил Джейми, сидевший рядом.

— Я выросла на Олдерни, — отозвалась я, вглядываясь в очередной видеоролик.

Картинка дергалась, но очевидными становились две вещи: на восстановление потребуются миллионы, а о рождественском туристическом сезоне, который приносит Олдерни основную часть годовых доходов зимой, не могло теперь идти и речи. Мой родной остров, где никогда ничего не меняется и десятилетиями главным событием года остается цвет платья очередной победительницы «Мисс Олдерни», оказался в бедственном положении.

Джейми придвинулся и взглянул на экран моего смартфона.

— Кошмар.

Так точно.

Три часа до Лондона я молчала, читала новости, безрезультатно звонила маме и гадала, насколько все на самом деле плохо. К сожалению, мне больше некому было звонить. Покидая Олдерни много лет назад, я оставила за спиной не только остров, но и всех олдернийцев.

Первая волна паники схлынула, и я вспомнила негласное правило, известное каждому телевизионщику: чем сильнее раздута трагедия, тем выше рейтинги. Реальное положение дел можно узнать только на месте.

— Роуз, сообщают, что пострадавших нет, — напомнил Джейми, когда мы выбрались из машины у телестудии, и мягко похлопал меня по плечу.

В этот момент на экране моего телефона, который я не выпускала из рук, наконец отразилась фотография мамы.

— Мам, как ты? — Мой голос был неестественно высоким и сорвался на последнем слове.

— Все хорошо, милая, все в порядке, — зашептала мама. — Нам не так сильно досталось, крыша только подтекает в паре мест. Но все хорошо, не волнуйся.

Мама всегда старалась казаться сильной, поэтому я переживала, что крыша «Последнего героя» не подтекала, а попросту отсутствовала.

— Черт с ним, с отелем. Ты как?

— Нас, островитян, ветром и волнами не напугаешь, — тихо хихикнула она.

На другом конце провода послышались шаги и недовольное ворчание. После небольшой паузы я решила спросить:

— Как папа?

— Злитесь, что не сможет принять туристов. Сейчас уже посыпались отказы на зимние каникулы. — Мама еще сильнее понизила голос. Я едва могла различить ее бормотание. — Будем надеяться, что починим все к лету, правда, где брать для этого деньги без туристов, непонятно... Ладно, не забивай себе голову. Как твои успехи?

В груди защемило. Родители не были бедняками, но жили скромно и каждый пенни откладывали на нужды отеля. И хотя папа вот уже семь лет не желал меня видеть, у меня все равно появилось желание помочь им.

Я не раз видела, как организовывались телемарафоны для сбора пожертвований. Так почему бы не использовать известный формат? Если мои репортажи могли привлечь городских красавиц на фермы, то неужели у меня не получится влюбить зрителей в Олдерни и собрать деньги для его восстановления?